

ИСТОРИЯ

УДК 930

DOI 10.52452/19931778_2024_3_9

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В «БОСПОРСКИХ ДРЕВНОСТЯХ» Е.А. МОЛЕВА: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОЧЕРК УЧЕНОГО В ИЗЛОЖЕНИИ ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСОВ

© 2024 г.

В.В. Дементьева

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль

vv_dementieva@mail.ru

Поступила в редакцию 25.04.2024

Цель статьи – выявить характерные черты ведения дискуссии д.и.н. профессором Е.А. Молевым (1947–2021 гг.) по проблемам истории античного Причерноморья. Выделяется блок дискуссионных проблем, к которым Е.А. Молев обращался на протяжении жизни. Обращается внимание на то, как он отстаивал свои концептуальные позиции, каким образом излагал дискуссионные вопросы, как отражалась в научной полемике его личность. Е.А. Молев осуществлял подробный разбор аргументов сторонников концепций, которые он не разделял, при несогласии с общими выводами находил отдельные верные моменты в деталях анализа и теоретическом осмыслении; считал необходимым не выходить в гипотезах за рамки того, что позволяют реконструировать источники. Адекватно воспринимая аргументы против своей точки зрения, он мог корректировать свои утверждения в связи с новыми археологическими находками. Всегда выдерживал строгую академичность лексики и спокойный, без излишней эмоциональной окраски, тон возражений. В целом Е.А. Молев является достойным образцом ученого, ведущего научную дискуссию.

Ключевые слова: Е.А. Молев, «Боспорские древности», историография, дискуссии, письменные источники, археологические памятники.

Биография каждого ученого – это далеко не только перипетии его человеческой жизни, это во многом его научные труды, которые часто характеризуют не только профессиональные взгляды и вклад в соответствующую отрасль исследований, но и личность автора. В 2017 г. к 70-летию Евгения Александровича Молева нижегородские коллеги издали книгу «Боспорские древности. Проблемы политической, социальной и культурной истории античного Боспора» [1], составив ее из его работ разных лет. Как отмечал А.В. Махлаюк, издательский замысел состоял в том, чтобы создать «своего рода научную биографию», отражающую исследовательский путь Е.А. Молева [2, с. 8]. Собранные под одной обложкой публикации разных лет наглядно показывают творческий процесс ученого в его развитии, являясь объективными свидетельствами его «потрясающей научной активности» [3, с. 452]. Книга – при том что она состоит не только из развернутых статей, но и из отдельных «этюдов» и даже «набросков» –

получилась удивительно целостной, и именно потому, что на редкость цельной при всей многогранности была научная жизнь Е.А. Молева.

Подробный анализ «Боспорских древностей» дал в своей рецензии Ю.А. Виноградов, который, по его словам, «не являясь сторонником некоторых гипотез Е.А. Молева», отметил, что «его книга уже стала серьезным вкладом в отечественную науку о классической истории и классических древностях Северного Причерноморья» [4, с. 9, 12]. В «Боспорских древностях» очень много историографических сюжетов и бесчисленное количество отдельных вкраплений дискуссионного характера, – это связано с тем, что, как справедливо заметил А.В. Махлаюк, предворяя книгу, «в изучении античного Боспора наиболее существенное продвижение в решении (да и в самой постановке) дискуссионных проблем обуславливается открытием и накоплением археологического материала» [2, с. 8]. Практически каждая статья (а всего их 44 в книге) – это несколько поднятых в ней

дискуссионных вопросов, они разнообразны (хотя и неизбежно повторяются, поскольку автор возвращался к ним в разное время), но авторский стиль их подачи, почерк ученого, един. Из множества затронутых Евгением Александровичем в «Боспорских древностях» дискуссионных проблем и вопросов можно выделить и объединить в несколько блоков те, интерес к которым у него не ослабевал:

1. Проблема формирования Боспорского государства и его трансформации (причины объединения полисов Боспора Киммерийского в единое государство, обстоятельства прихода к власти Археанактидов, переход власти к Спартоку и Спартокидам и др.);

2. Понятийно-терминологические вопросы (содержание понятий «Боспор», «аспургиане», «архонт» применительно к Боспорскому царству и др.);

3. Проблемы взаимоотношений Боспора и Скифии;

4. Дискуссии по поводу гипотезы о подчинении Боспора державе Ахеменидов;

5. Проблемы эллинизма в Причерноморье в целом и на Боспоре в частности;

6. Дискуссионные вопросы политического положения Боспора в составе Понтийского царства;

7. Дискуссии о происхождении династии понтийских Митридатидов;

8. Вопросы географического положения, этногеографических ситуаций и географических границ (границ Боспора накануне его подчинения Понту, локализации царства Гатала и др.);

9. Вопросы хронологии, датировки основания городов или отдельных событий (династической хронологии Спартокидов, основания Китея, установки статуи Митридата Евпатора в Нимфее и др.);

10. Семантика древних изображений (вопрос об образе зайца в греко-скифской торевтике).

Напомню несколько ключевых точек зрения, отстаиваемых Евгением Александровичем: титул «архонт» различался, на его взгляд, по своему реальному содержанию применительно к эллинам и варварам; он не видел достаточных оснований называть Боспор при Спартокидах государством эллинистического типа, так же как отрицал необходимость применения понятия «постэллинизм» для периодизации истории Боспора; царство Гатала он локализовал в Прикубанье; образ зайца рассматривал как отражение не чисто скифской, а скифо-античной мифологической модели мира.

О научных теориях и гипотезах, разделявшихся Е.А. Молевым или разработанных им самим и отстаивавшихся в ходе дискуссий, уже сказано и будет еще сказано специалистами по

античному Причерноморью. Я вижу свою задачу в том, чтобы рассмотреть не столько его собственную научную позицию в ходе обсуждений, сколько то, *как* он излагал эти дискуссионные вопросы, т.е. его индивидуальный исследовательский почерк. Ученый в личностном измерении познается, прежде всего, в отношении к другим исследователям и их научным достижениям. Личность человека, пишущего научный труд, проявляется в том, как он относится к сделанному другими и к самим этим другим лично знакомым или незнакомым авторам, относится ли он к оппонентам как к коллегам, делающим общее дело, или как к конкурентам, стремящимся утвердить себя в науке. Евгений Александрович, в отличие от немалого количества представителей новых генераций, заботился о науке, а не о себе в науке, действуя так, как это делали многие из поколения его предшественников и учителей, которыми он был воспитан. Это наглядно показывают историографические сюжеты и историографические заметки в «Боспорских древностях».

Выделяя наиболее характерные, на мой взгляд, элементы и черты исследовательского почерка Е.А. Молева, следует отметить следующее.

Евгений Александрович осуществлял подробнейший разбор аргументов, приведенных другими авторами в пользу концепции, которую он критиковал. Казалось бы, это норма, которая обязательна для всех. Однако во многих современных работах авторы, отрицая вывод, итоговую формулировку чьей-либо концепции или гипотезы, далеко не всегда анализируют аргументы, высказанные в ее пользу. Более того, встречаются ситуации, когда авторы, хотя и вносят работу с противоположной им позицией в библиографический список, на то, что их аргументы уже «нейтрализованы» другим исследователем, внимания не обращают, вновь и вновь публикуют свои утверждения, не реагируя на высказанные в научной литературе основательные доводы против их точки зрения. Это не может называться настоящей научной дискуссией. Евгений Александрович так дискуссию никогда не вел. Он очень подробно рассматривал аргументы оппонировавшей стороны, как показывает, например, основательный разбор им позиции Н.Ф. Федосеева по вопросу о зависимости Боспора от Ахеменидов [1, с. 48–52].

Анализируя аргументы оппонентов, Евгений Александрович обращал внимание на использованные ими переводы греческих источников. Показательным примером является его анализ перевода текста Геродота (III. 97) о владениях персов за Кавказом, сделанного датским историком Йенсом Нилингом, разделяющим мнение

о персидском завоевании Боспора [1, с. 58–59]. Подчеркивая, что это лишь интерпретация текста Геродота, попытка предположить, что именно мог понимать Геродот (но понимал ли – «большой вопрос»), Е.А. Молев приходит к выводу о малоубедительности аргументов автора [1, с. 59].

Евгений Александрович признавал тесные взаимоотношения Боспора и Скифии, полагая, что союз их возник в период колонизации и с теми или иными изменениями сохранялся до позднеэллинистического времени. Ему пришлось вступить в научную полемику с Ю.Г. Виноградовым, который обосновывал мнение о военном противостоянии скифов с боспорянами вплоть до создания единого Боспорского царства, ссылаясь на сведения Геродота о походах скифов в Синдику (IV. 28). «Однако, – писал Е.А. Молев, – текст источника свидетельствует о вероятном продолжении этих походов вплоть до времени пребывания Геродота в Северном Причерноморье, а отсутствие в нем прямых указаний на их антибоспорскую направленность в сочетании с сообщением Ксенофонта о зависимости меоты от скифов (*Memor.* II. 1. 10) позволяет рассматривать его как свидетельство походов скифов для сбора дани с зависимых племен или сезонных миграций. В какой мере эти походы могли затрагивать Боспор, мы можем судить только по материалам археологии» [1, с. 27–28]. Далее он характеризовал в существенных моментах вещественный материал, делая вывод: «Противоречивость письменных источников и неоднозначность интерпретации археологических данных позволяют пока ограничиться констатацией возможности локальных военных конфликтов, как между скифами и эллинами, так и между самими эллинами в процессе формирования единого Боспорского государства. Но в целом, учитывая интенсивность освоения скифами территории Восточного Крыма только со второй половины V в. до н.э. ... отношения Скифии и эллинов Боспора в VI в. до н.э. следует признать более или менее благоприятными для обеих сторон...» [1, с. 28].

Исследовательский почерк Евгения Александровича отчетливо проявляется в его участии в терминологических дискуссиях, в частности в той, которая возникла о самом понятии «Боспор» и тесным образом связана с историей формирования и трансформации Боспорского государства, которую Ю.А. Виноградов назвал «фундаментальной проблемой» [4, с. 10]. Как известно, Е.А. Молев считал, в отличие от многих исследователей, что объединение боспорских полисов осуществилось до 480 г. до н.э. (с этого года, по сообщению Диодора Сици-

лийского (XII. 31. 1), на Боспоре правили Археанактиды). Но Евгений Александрович не соглашался с позицией А.Н. Васильева в том, что термин «Боспор» как название государства – это модернизация, свойственная времени жизни Диодора. Е.А. Молев полагал, что употребление последним термина «Боспор» не является модернизацией, но восходит к первоисточнику, из которого Диодор брал материал для своей компиляции. Не находил он убедительными и аргументы А.Н. Васильева в пользу географического понимания термина «Боспор» [1, с. 14]. Ряд других его положений Евгений Александрович считал не подкрепленными аргументами, полагая, например, маловероятным вывод о «синонимичности таких понятий, как “царь Понта” и “царь Боспора”» [1, с. 15]. Он требовал доказательности. Но обратим внимание, в каких выражениях, в какой манере он критиковал позицию А.Н. Васильева: во-первых, Евгений Александрович указывает на убедительную критику А.Н. Васильевым «гипотез его предшественников о времени и обстоятельствах возникновения Боспорского государства», отмечая, что она во многом совпадает с его собственными наблюдениями. И далее следует корректное выражение несогласия: «И тем не менее ход его рассуждений вызывает некоторые сомнения» [1, с. 13]. Там же, где, по его мнению, рассуждения были правильными, Евгений Александрович пишет: «А.Н. Васильев совершенно резонно полагает...» [1, с. 14]. На этом примере, как и по всей книге, хорошо видно, что Е.А. Молев никогда огульно не отвергал позицию исследователей, с чьей общей концепцией по дискуссионному вопросу не соглашался, при этом всегда находил то, что, на его взгляд, было в суждениях коллеги верно в деталях, в толковании источников, в теоретическом осмыслении.

Е.А. Молев обычно косвенно призывал исследователей не выходить в своих смелых гипотезах за рамки того, что дают для возможной исторической реконструкции источники. Причем он обуславливал свою поддержку чужой концепции именно в тех моментах, где видел опору на источники. Поэтому с одной частью построений одного и того же автора он соглашался, а другую считал лишь предположением. Если автор концепции опирался на весь комплекс сведений источников, то в этом случае Евгений Александрович поддерживал его выводы. Так, например, он подчеркивал, что именно поэтому он и соглашается с концепцией С.Ю. Сапрыкина [1, с. 42] о том, что приход к власти Археанактидов был вызван внутренними причинами развития пантикапейского полиса, а переход власти от Археанактидов к Спартоки-

дам (фракийского происхождения) – это лишь смена правящей группировки. Е.А. Молев нередко деликатно писал: мнение такого-то исследователя есть не более чем его предположение, – такую формулировку он использовал, например, в ходе дискуссии о приходе к власти Спартока ок. 438 г. до н.э., говоря, в частности, о точке зрения С.Ю. Сапрыкина, считавшего, что Спартока поддержала демократическая оппозиция, торгово-ремесленная прослойка [1, с. 37]. Анализируя аргументы А.А. Масленникова, который полагал возможным связать приход к власти Спартока I с потийской экспедицией Перикла, Евгений Александрович отмечал, что теоретически такое могло быть, «но наш единственный источник ни словом, ни намеком не дает основания думать, что Перикл тогда сделал больше, чем он сделал согласно этому сообщению» [1, с. 38].

Характерной чертой исследовательского почерка Е.А. Молева в обсуждении дискуссионных вопросов является то, что сам он отталкивался прежде всего от информации источников, при этом там, где это было возможно и необходимо, привлекал источники как письменные, так и вещественные. Такой его подход обнаруживается в большинстве глав рассматриваемой книги, в частности при обсуждении такого объекта терминологических дискуссий, как этноним «аспургиане» [1, с. 157–161]. В поисках ответа на вопрос, кто они такие, Евгений Александрович трактовал их как одно из варварских меотских племен. Его мнение расходится с точкой зрения С.Ю. Сапрыкина на происхождение названия «аспургиане» и их статус, согласно которой аспургиане были военными поселенцами в азиатской части Боспора и получили свое название от имени Аспург, которое носил человек, занимавшийся укреплением юго-восточных рубежей государства. Обратим внимание, как излагает свое несогласие с такой позицией Е.А. Молев, делая это в характерной для него манере: сначала им приводится информация источников, а уже затем анализируется аргументация С.Ю. Сапрыкина, после чего формулируется вывод: «Вероятно, более справедливо будет поверить Страбону и считать аспургиан одним из меотских племен» [1, с. 160]. Попутно Евгений Александрович отверг точку зрения В.П. Яйленко о сарматском происхождении аспургиан, опирающуюся на иранскую этимологию имени «Аспург». Сама по себе этимология имени в данном случае – очень слабый аргумент, но Е.А. Молев, будучи археологом, привел в качестве важнейшего такой контраргумент, как «отсутствие на территории их (аспургиан. – В.Д.) обитания, очерченной

Страбоном, сарматских по обряду могильников» [1, с. 161]. Как было свойственно Евгению Александровичу, его аргументация собственной точки зрения подробна и строится на сочетании данных и письменных, и археологических источников.

Показательно и участие Е.А. Молева в дискуссии по вопросу о причинах и обстоятельствах появления Археанактидов «на историческом горизонте». Ю.Г. Виноградов, В.П. Толстиков, Ф.В. Шелов-Коведяев считали, что главной причиной объединения боспорских городов под властью этой династии была стенохория, усугублявшаяся скифской угрозой. Эту концепцию критиковал А.Н. Васильев. «Однако, – писал Е.А. Молев, – его конечный вывод о формировании боспорской государственности только в эпоху Спартокидов кажется мне столь же недостаточно обоснованным» [1, с. 30]. И далее он детально и обстоятельно объяснял свою позицию, анализируя как международную ситуацию в Причерноморье, так и внутреннее состояние скифской державы, археологические данные о разрушениях в боспорских городах и показывая, что все эти аргументы «не дают оснований говорить о скифской угрозе как катализаторе объединительных процессов здесь, приведших в итоге к власти династию Археанактидов» [1, с. 34].

Евгений Александрович адекватно воспринимал аргументы, выдвигаемые коллегами против его концепций, не упорствовал в своих утверждениях, и если появлялись новые археологические находки, мог соответствующим образом скорректировать свои выводы. Например, он разрабатывал концепцию о преобладании внутренних закономерностей (а не внешнего воздействия) в развитии греческих полисов на Боспоре в процессе формирования боспорской государственности, подчеркивал их способность к самостоятельному развитию по греческим образцам. Но когда В.П. Толстиковым были получены новые данные при раскопках Пантикапея – свидетельства последствий скифской агрессии, Е.А. Молев учел это обстоятельство, однако, поскольку полного уничтожения Пантикапея в результате этой агрессии не произошло, остался в общих рамках своей концепции, но стал признавать «скифский фактор» в формировании боспорской государственности. Об этой черте исследовательского почерка Евгения Александровича писал Ю.А. Виноградов [4, с. 12].

Корректировку Е.А. Молевым своей позиции наглядно можно показать на еще одном примере. Он не поддерживал распространенное в научной литературе утверждение о том, что Боспор подчинялся державе Ахеменидов. По-

дробно разбирая историографию вопроса (от первого предположения Т.В. Блаватской о попытке персидской дипломатии вовлечь Боспор «в орбиту своего влияния» до собственно гипотезы о политической зависимости Боспора от Ахеменидов, первым обосновать которую стремился Г.А. Кошеленко [1, с. 44]), Евгений Александрович в нескольких статьях тщательно анализировал доказательства, изложенные Г.А. Кошеленко, и ряд его аргументов признал весомыми [1, с. 46, 55]. Но, подробно прокомментировав сообщения Диодора, Е.А. Молев сделал следующее наблюдение: «в целом сообщение Диодора о правлении Археанактидов в Азии вряд ли можно считать убедительным аргументом в пользу признания персидского господства над Боспором» [1, с. 57]. К тому же, как отметил И.Е. Суриков, «очень отрезвляюще» прозвучало «указание Е.А. Молева на свидетельство Геродота (Ш. 97), согласно которому севернее Кавказа власть Персии уже не простиралась» [5, с. 181]. Однако аргументация Г.А. Кошеленко, вдумчиво рассмотренная Е.А. Молевым, привела к тому, что Евгений Александрович скорректировал и углубил свою позицию, добавив: «Но приведенные Г.А. Кошеленко факты в сочетании с некоторыми другими материалами (прежде всего археологическими) позволяют думать о колебаниях в политике боспорских тиранов и их возможной ориентации на Персию в течение какого-то времени во второй половине V в. до н.э.» [1, с. 48]. Отмечая серьезный анализ Е.А. Молевым аргументации оппонентов по дискуссионным проблемам, на основе которого он вносил уточнения в свою концепцию, следует согласиться с выводом И.Е. Сурикова: «Если не говорить о деталях, то в главных, принципиальных идеях исследователь всегда оставался верен себе. Подобная последовательность не может не импонировать» [5, с. 172].

Е.А. Молев всегда выдерживал в ходе дискуссионных обсуждений строгую академичность лексики и спокойный тон возражений. Мы не найдем у него желания что-то высказать в едком тоне. Никогда он не вел дискуссию и в слегка небрежном тоне мэтра, свысока, даже если оппонентом был молодой исследователь. Эмоциональный в жизни, он в письменной дискуссии переходил на сухой язык педанта. У Евгения Александровича невозможно найти таких эмоциональных выражений, которыми иногда грешат современные авторы в подспудном желании подавить оппонентов и читателя не интеллектуально, а на уровне эмоциональных реакций. Он стремился воздействовать только сугубо рациональными доводами, писал, можно сказать, в бесстрастной манере. Психологиче-

ское давление можно ведь оказать жесткой иронией, завуалированным пренебрежением, едва заметным, но чувствительным для оппонента колким намеком. Всё это напрочь отсутствовало у Евгения Александровича в отношении к оппонентам по многочисленным дискуссиям. У него не было и запальчивости, которая присуща некоторым современным ученым, когда они вступают в дискуссию. Не было и желания – с тем чтобы привлечь внимание к своей позиции – эпатировать читателей замечанием «ради красного словца». Самый «задиристый» эпитет для характеристики иной точки зрения, который можно найти в «Боспорских древностях», – «курьезная» (так он назвал позицию Н.Ф. Федосеева о спаивании греками местного населения) [1, с. 42]. Только «высший пилотаж» ведения дискуссии в абсолютно спокойном режиме, в сугубо научных и предельно корректных выражениях. Когда исследователи пишут, что Е.А. Молев «резко полемизирует» [4, с. 10], это совсем не означает резкость формулировок. Это означает твердость в отстаивании своего взгляда на предмет изучения.

В целом можно сказать, что Евгений Александрович Молев являет собой не просто пример, а очень достойный образец ученого, ведущего научную полемику по сложным дискуссионным проблемам древней истории.

Исследование выполнено при финансовой поддержке ЯргУ им. П.Г. Демидова, проект VIP-018.

Список литературы

1. Молев Е.А. Боспорские древности. Проблемы политической, социальной и культурной истории античного Боспора / Науч. ред. А.В. Махлаюк, С.К. Сизов. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 339 с.
2. Махлаюк А.В. Не подводя итогов (предисловие научного редактора) // Молев Е.А. Боспорские древности. Проблемы политической, социальной и культурной истории античного Боспора / Науч. ред. А.В. Махлаюк, С.К. Сизов. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. С. 5–9.
3. Болгов Н.Н., Лопатина М.Ю. Новые книги Е.А. и Н.В. Молевых // Классическая и византийская традиция. 2017: Сб. материалов XI науч. конф. / Отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: НИУ БелГУ, 2017. С. 451–453.
4. Виноградов Ю.А. Ценный вклад в изучение боспорских древностей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 4. С. 9–13.
5. Суриков И.Е. Заметки по поводу новой книги Е.А. Молева (Боспорские древности. Проблемы политической, социальной и культурной истории античного Боспора. Нижний Новгород, 2017) // Артефакты и сакральное в истории Боспора: Коллективная монография / Под ред. А.В. Махлаюка. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. С. 171–181.

**HISTORIOGRAPHICAL OBSERVATIONS IN «BOSPORAN ANTIQUITIES» OF E.A. MOLEV:
THE SCHOLAR'S RESEARCH STYLE IN THE PRESENTATION OF CONTROVERSIAL ISSUES**

V.V. Demytyeva

The article aims to identify the characteristic features of conducting a discussion by Professor E.A. Molev (1947–2021) on problems of the history of the ancient Black Sea region. A block of debatable problems is highlighted, to which E.A. Molev turned throughout his life. Attention is drawn to how he defended his conceptual positions, how he presented controversial issues, and how his personality is reflected in scholarly polemics. E.A. Molev carried out a detailed analysis of the arguments of supporters of concepts that he did not share, and in case of disagreement with the general conclusions, he found certain correct points in the details of the analysis and theoretical understanding; considered it necessary not to go beyond the limits of what the sources allow to reconstruct. Adequately perceiving the arguments against his point of view, he could adjust his statements in connection with new archaeological data. He always maintained a strict academic vocabulary and a calm, without excessive emotional overtones, manner of objections. Overall, E.A. Molev is a worthy example of a scholar participating in academic discussions.

Keywords: E.A. Molev, “Bosporan Antiquities”, historiography, discussions, written sources, archaeological data.

References

1. Molev E.A. Bosporan antiquities. Problems of the political, social and cultural history of the ancient Bosphorus / Scientific ed. A.V. Makhlayuk, S.K. Sizov. Nizhny Novgorod: UNN Publishing House, 2017. 339 p.
2. Makhlayuk A.V. Without summing up (preface by the scientific editor) // Molev E.A. Bosporan antiquities. Problems of the political, social and cultural history of the ancient Bosphorus / Scientific ed. A.V. Makhlayuk, S.K. Sizov. Nizhny Novgorod: UNN Publishing House, 2017. P. 5–9.
3. Bolgov N.N., Lopatina M.Yu. New books by E.A. and N.V. Molevs // Classical and Byzantine tradition. 2017: Collection of materials of the XI Scientific Conference / Ed. by N.N. Bolgov. Belgorod: NRU BelSU, 2017. P. 451–453.
4. Vinogradov Yu.A. Valuable contribution to the study of Bosporan antiquities // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2018. № 4. P. 9–13.
5. Surikov I.E. Notes on the new book by E.A. Molev (Bosporan antiquities. Problems of the political, social and cultural history of ancient Bosphorus. Nizhny Novgorod, 2017) // Art facts and the sacred in the history of the Bosphorus: A collective monograph / Edited by A.V. Makhlayuk. Nizhny Novgorod: UNN Publishing House, 2017. P. 171–181.